

НАЧ.ЭКО ГУГБ НКВД - тов.МИРОНОВУ
ПОМ.НАЧ.ЭКО ГУГБ НКВД - тов.ДМИТРИЕВУ

от ЯНИШЕВСКОГО Д.Ю.

Самой мучительной и исключительно тяжелой для меня является мысль о том, что в свете дела ВОЛКОВОЙ, в преломлении моих собственных показаний (в связи с этим делом) я могу предстать в глазах людей, с которыми рядом не работал - лентяем или чиновником-бюрократом сознательно халатно относящимся к порученному ему делу.

Очень трудно и тяжело самому опровергать сегодня такое ужасное подозрение во первых потому, что я никогда не занимался самоаттестованием, а во-вторых потому, что на деле ВОЛКОВОЙ, в силу ряда тяжелых внешних условий, получилось именно так, что действительно все выявившееся в деле безобразные упущения падают виной на меня лично, как на руководителя персонально отвечающего за подчиненных мне сотрудников.

Поэтому, смысл этого заявления, ни в какой степени не заключается в том, чтобы в какой нибудь мере оправдать себя или смягчить обвинение, а имеет главной целью пояснить, что все-же я не лентяй, не чиновник-бюрократ, а коммунист-чекист, который всю свою сознательную жизнь, всю энергию, личную жизнь отдавал только партии, а на чекистской работе только борьбе с классовым врагом.

Ниже я постараюсь изложить почему могло все таки случиться, что я мог оказаться в глазах руководства НКВД, в глазах Наркома, в самом невыгодном для меня свете перед тем однако, приведу краткую характеристику отдельных этапов моей жизни.

Родился в 1898 г. в г.Варшаве в семье рабочего сапожника. Исключительная материальная нужда в которой всегда находилась вся наша семья (7 человек) не позволила мне окончить даже 2-х классов городского училища.

Десятилетним ребенком отец заставил меня помогать ему по сапожному делу, а потом чтобы приносить домой хоть какой-нибудь наличный заработок со стороны, я направлялся на разные работы где только их можно бы-

19 4

до получить. Учеником к портному, мальчиком в типографию, газетчиком, курьером, рабочим-подростком - все это я пережил с самых ранних своих лет.

Около 1913 г. поступил учеником в торговое предприятие, одновременно участвую за счет хозяина в вечернем коммерческом училище.

В 1915 г. в связи с наступлением немцев на Варшаву, хозяин эвакуируя свои товары в Россию, вместе с другими своими служащими вывез и меня в Москву. В конце 1915 г. за ненадобностью я был уволен и предоставлен самому себе в совершенно чужом для меня городе без знания языка, людей и обстановки.

С большим трудом мне удалось поступить на находящийся тогда в Москве "Варшавский арматурный завод" где работал сперва табельщиком, а потом рабочим на револьверном станке (по обточке гранат).

Февральская революция застала меня на этом заводе, который вскоре закрылся и я в поисках работы с группой рабочих переехал в Петроград.

После некоторого времени безработицы в Петрограде устроился счетоводом на Онежском пароходном обществе.

В момент июльских событий в 1917 г. вместе с группой матросов принял активное участие в переброске на буксирах на Выборгскую сторону разгромленных групп рабочих демонстрантов за что был арестован и заключен в тюрьму ("Кресты") где находился до Октябрьской Революции.

Находясь в тюрьме и общаясь с рабочими большевиками я там получил первую большевистскую зарядку, которая сыграла огромную роль во всей моей последующей жизни.

Войдя в Октябрьскую революцию восемнадцатилетним парнем я сразу окупился в совершенно новую для меня захватывающую жизнь.

С первых-же дней создания в Петрограде Всероссийского Пролеткульта я в нем работал помощником завхоза, одновременно участвуя там-же в рабочей литературной студии. В середине 1918 г. вместе с группой ответственных работников ЦК Пролеткульта я был перебросен в Тулу для организации там Губернского Пролеткульта, где работал на должности

20 72
40

Управляющего Делами.

Там-же в октябре 1918 г. я вступил в РКП(б).

В связи с приближением в 1919 г. к границам Тульской губернии отряда ген. МАМОНТОВА, постановлением Тульского Губкома я был мобилизован в Красную Армию и направлен в Епифанский уезд где ожидался налет Мамонтовакого отряда. В Епифани был зачислен на должность инструктора-организатора при местном гарнизоне.

До Епифани МАМОНТОВ не дошел и я там остался принимая участие в партийной, советской - профессиональной жизни.

За 1919/20 г.г. я там работал: председателем организованного мною уездного пролеткульта, заведывающим отделом Народного образования, секретарем Упрофбюро, состоя одновременно членом президиума УИК"а и членом президиума Укомпарта.

В середине 1920 г. решением ЦК РКП(б) я как коммунист-поляк был мобилизован и переброшен на Западный фронт. Поступив в распоряжение ПУЗА-ИА я получил назначение на должность лектора-агитатора на агитпоезд ПУЗАП"а им. Красноармеец с которым пробыл на фронте до самого окончания войны с поляками.

Кажется в декабре 1920 г. был демобилизован и передан в распоряжение Польшбюро при ЦК откуда получил назначение на должность председателя Польшбюро при Петроградском Губкоме, которое проводило тогда широкую партийную массовую работу среди эвакуированных в Петроградскую область польских военно-пленных и среди возвращающихся в Польшу беженцев.

В феврале мес. 1920 г. в связи с окончанием работы Польшбюро я был направлен Губкомом в Петроградскую Чрезвычайную Комиссию, получив назначение на должность Уполномоченного Иностранного Отдела при Особом Отделе Петр.Воен.Окр..

С этого момента, начинается новая полоса моей жизни, когда я со всей энергией ушел в кипучую чекистскую работу.

На протяжении последующих тринадцати лет в органах ЧК-ОГПУ-НКВД я назначался на следующие должности: Нач.КРО, Нач.СПО, Нач.ЭКО, Зам.Нач.

21 33

ЧПО (часть погранохраны) в Псковском Губотделе ОГПУ и там-же в 1927 г. состоял на должности Нач.СОЧ и Зам.Нач.Губотдела. В связи с районированием в 1927 г. был переведен на должность Начальника 11 Себежского Погранотряда и по совместительству Начальником Великолуцкого Окротдела ОГПУ.

В 1929 г. переведен в Ленинград где был назначен на должности Нач. 3 и 5 отделения КРО ПП, Начальником 2 отр.ОО ЛВО, потом освобожденным Пом.Нач.ОО ЛВО и впоследствии Зам.Нач.ОО ЛВО.

Вот таков мой жизненный путь. За 13 лет пребывания в чекистских рядах моя жизнь и работа никогда и ничем не была опороченной.

т. ДМИТРИЕВ, предложил мне осветить какие я за свою чекистскую практику вскрывал дела. Лично мною или под моим личным руководством были вскрыты следующие наиболее характерные дела:

1922-24 г.г. Ленинград - Дело польских шпионов во главе с резидентом 2 отдела Польгенштаба Чеховичем-Ляховицким. Дело эстонских шпионов во главе с сотрудником эстконсульства Боксфейером. Дело Латвийского Красного Креста.

1924-27 г.г. Псковский Губотдел - ликвидация остатков банд Оборонны. Ликвидация зарубежной банды СЕРГУЧЕВА. Ликвидация остатков Савинковских банд. Вскрытие к.р. группы возглавляемой б. помещиком ГОЛЕНИЩЕВЫМ-КУТУЗОВЫМ.

1927-1929 г.г. Себежский Погранотряд и Великолуцкий Окротдел - Вскрытие и ликвидация кр. повтсанческой и террористической организации "Союз Спасения Родины" в Невельском и Торопецком районах.

Лично участвовал в поимке на границе многих зарубежных шпионов и членов эмигрантских организаций.

1929-34 г.г. Ленинград ликвидация ряда к.р. националистических польских групп. Вскрытие и ликвидация свыше 14 офицерских к.р. и террористических групп. Дело "Заговор Эстгенштаба", "Заговор Фингенштаба" и последнее дело немецких шпионов (Фукс, Котгассер и др.).

22 94
48

Вскрыто и ликвидировано значительное количество террористических групп и одиночек (дело СИМОНОВСКОЙ, дело кн. МЕЩЕРСКОГО, группа ГРИГОРЬЯНС и др.).

Эти дела которые сейчас всплывают в моей памяти и пишу об них не из хвостовских побуждений, а лишь только потому, что на этом мне предложено было остановиться.

Повторяю еще раз, что с первых шагов моей чекистской работы я всегда привык работать лично сам, лично сам бросался на те участки работать, которые по условиям обстановки были наиболее важными и боевыми. Всегда я своей работе отдавался весь, не щадя ни сил ни времени, ни собственного здоровья.

Как-же получилось вдруг, что в деле ВОЛКОВОЙ я проявил отношение, которое заслуживает названия халатности или бюрократизма?

Здесь получилось такое исключительное сцепление обстоятельств, которое объективно меня не оправдывает, но которое дает ключ к пониманию меня как человека обладающего определенным количеством физических сил и определенным количеством технических возможностей.

После того когда я 20 сентября вернулся из отпуска через пару дней слег в кровать на 4 дня, в связи с почечным припадком. Выйдя на работу я сразу окунулся в ознакомление с состоянием работы всех отделений и по каждому из них я должен сразу включиться в сотни маленьких и больших вопросов.

Между тем уже с 4 октября я должен сразу-же принять личное участие в организации и проведении открытого процесса немецких шпионов ФУКСА и др.

А перед процессом у меня случился вторичный припадок (камни в почке) приковавший меня к больничной койке в течение 5 дней.

Дальше приезд московской комиссии по обследованию оперативной работы, выполнение ее заданий по перестройке и тут-же возникновение нового к.р. шпионского и диверсионного финского дела УЛЬЯНОВА, которого я днями и ночами лично допрашивал, дальше подготовка к Октябрьс-

23
49
85

ким торжествам и так дальше и так дальше.

В результате, несмотря на огромную практическую работу, которую непосредственно выполнял Ив.Вас.ЗАПОРОЖЕЦ по особому Отделу, получилось, что я все-таки метался от одного вида срочной работы к другому, доходя минутами до обморочного состояния.

Требовалось огромное нервное напряжение чтобы не потерять равновесия, чтобы не растеряться и чтобы везде и во время успеть.

А тут еще потоки различных докладов, отчетов, записок, которые надо до самого читать, мало читать надо их еще корректировать.

Как не было тяжело я добросовестно и честно не теряя самообладания выполнял по мере своих сил и возможностей все за что брался.

О том, что я "замотался", что минутами теряю последние остатки физических сил, что почти не сплю не ем - никто не знал, потому что не считал удобным и достойным чекиста жаловаться на это. Вся энергия - живучесть и работоспособность поддерживались огромным нервным напряжением. Я был уверен (да оно так и было-бы) что это полоса напряжения по мере выполнения боевых задач, связанных с перестройкой, до некоторой степени пройдет, получу отсутствующего долгое время освобожденного помощника и сумею заняться нормальной, творческой работой и по настоящему, по новому руководить.

О моем физическом состоянии знали лишь лечащие меня врачи (проф.КРИШЕВИЦКИЙ, доц.ШАПИРО и докт.МАРГОЛИН) почти каждый день напоминавшие мне о необходимости подумать о себе (в связи с постоянно повышенной температурой, образовавшемся плевритом и воспалением тройничного нерва) и дать себе некоторый отдых. ИИИ Но как я мог подумать даже об отдыхе, когда обстановка на это не позволяет?

Еще один только человек был живым свидетелем огромной, ежедневной потери моих сил, это моя жена, которая каждый день встречала меня от 1 до 4 ч. утра, обессиленного, изнуренного и раздражительного.

24
57/96

Со всей силой подчеркиваю, что так пространно может быть, пишу об этом не потому, чтобы именно по этим причинам снять с себя ответственность за промахи или упущения в работе.

Мне нечего перекладывать своей вины на других потому, что за все упущения в работе аппарата я должен отвечать лично сам со всей строгостью чекистской дисциплины.

Пишу же об этом лишь потому, чтобы всеми имеющимися в моем распоряжении аргументами хоть в какой-нибудь степени показать, что я не лентяй преступно-халатно относящийся к своему делу, не чиновник-бюрократ, отлынивающий от трудной или сложной работы, а рабочий чекист, вся жизнь которого заключалась только в энергичной чекистской работе, работе без отдыха при заметном для всех сгорании собственных сил

Ведь фактически после моего первого припадка с почками /в первые же дни после возвращения из отпуска в 20-х числах сентября/ я имел полное право требовать отпуска на лечение.

Этого я не сделал и продолжал работать. Спустя 9-10 дней после отпуска -второй припадок, больница, и я опять без отпуска вернулся на работу.

Все остальное время я постоянно, с повышенной температурой, изнемогая, в тяжелом состоянии продолжал работать, пока окончательно, 28 ноября мои силы не выдержали и я слег в кровать, не будучи уже в состоянии появляться на работу.

Вот почему могло случиться, что дело ВОЛКОВОЙ фактически "проскочило" мимо меня, как в своем главном развороте /когда я был в отпуску/, так и в-последствии, когда я болел.

Прошу Вас лишь об одном - верить мне, что я не потерял большевистской непримиримости к классовому врагу. Об этом должна свидетельствовать также моя многолетняя партийная работа в качестве члена Бюро Парткома УНКВД.

Я чувствую, что в настоящем об"яснении я допустил много личного, но это получилось лишь оттого, что совершенно отчетливо и

25
57 97

ясно я себе представляю весь ужас ложного положения в котором я сегодня оказался.

Все это я мучительно переживаю, переживаю потому, что при создавшемся положении, у Наркома т. ЯГОДА, у руководства НКВД может создасться мнение обо мне, как о чекисте-бюрократе и чиновнике, который не весь отдается выполнению воли партии на фронте борьбы с классовым врагом.

Прошу Вас и эту, чисто человеческую, сторону моего дела, разобрат также обстоятельно, как и все отрицательные факты, связанные с делом ВОЛКОВОЙ.

Я безгранично верю в нашего Наркома и знаю, что он отнесется при определении моей виновности со всей своей свойственной ему чуткостью и с полным учетом в моем деле всего человеческого и приговор его я приму, как должное и заслуженное. -

ЯНИШЕВСКИЙ.

ДПЗ-Ленинград

4-5 декабря 1934 г.

верно:- *Задум*